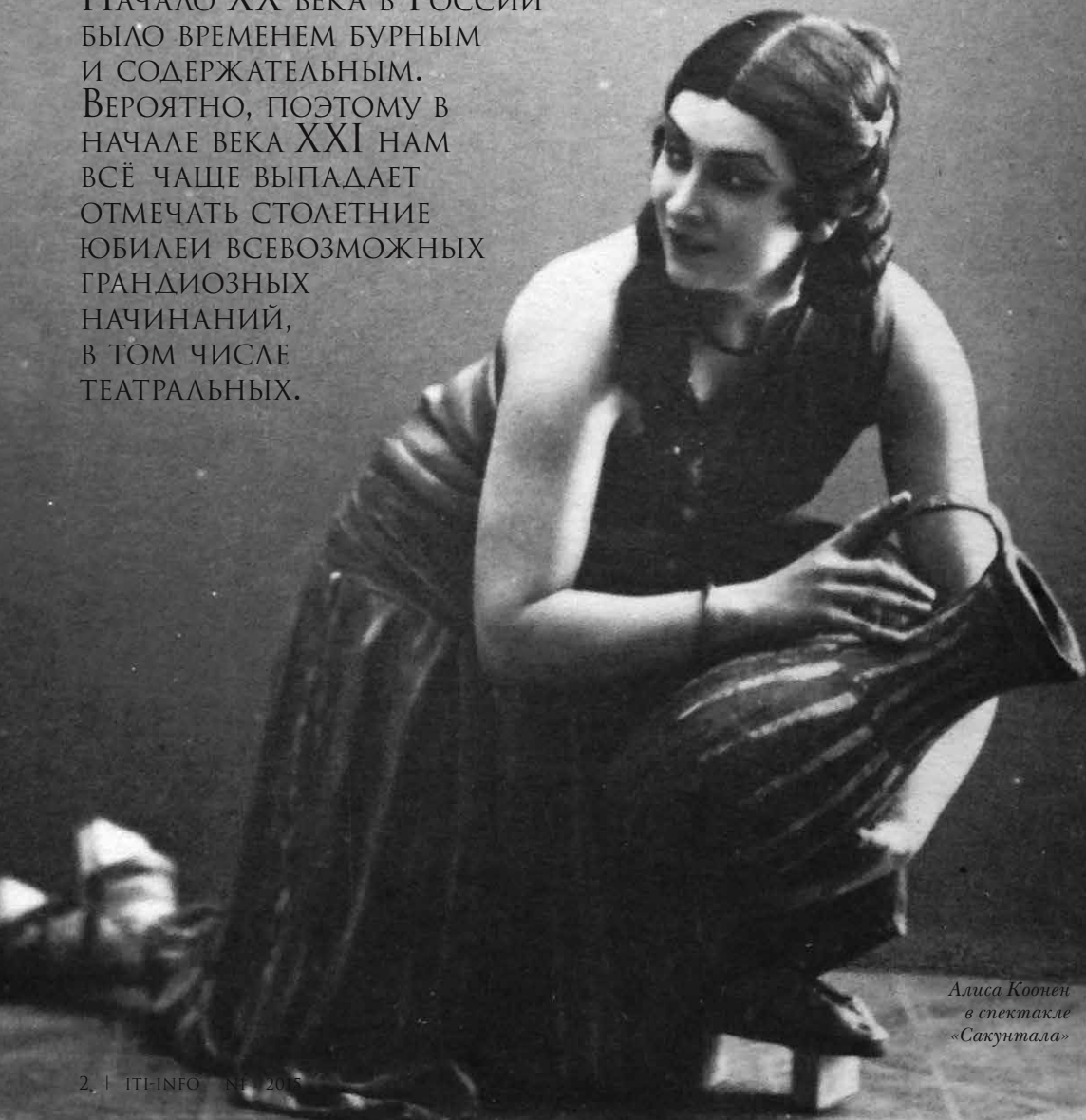

СТОЛЕТЬЕ С ЛИШНИМ — НЕ ВЧЕРА

Мария Хализева

Начало XX века в России было временем бурным и содержательным. Вероятно, поэтому в начале века XXI нам всё чаще выпадает отмечать столетние юбилеи всевозможных грандиозных начинаний, в том числе театральных.

Алиса Коонен
в спектакле
«Сакунтала»

25 декабря 2014 года праздновали сто лет со дня открытия Камерного театра. Давно уже в Москве нет театра с таким названием — он просуществовал лишь три с половиной десятилетия, но имена его создателей — режиссёра Александра Таирова и его первой актрисы, музы и жены Алисы Коонен навсегда вписаны в историю мирового театра.

Режиссёр Таиров появился в театральной Москве в 1913 году и казался многим «тёмной лошадкой». До того у него были роли в любительских спектаклях, затем в провинциальных антрепризах, а также работа в Театре Веры Комиссаржевской, причём именно в сезон 1906/07, когда там ставил Всеволод Мейерхольд. В таировском послужном списке значатся второстепенные роли в прославленных мейерхольдовских спектаклях «Балаганчик», «Сестра Беатриса», «Жизнь человека». Сразу после исторического сезона у Комиссаржевской и Мейерхольда Таиров вступает в труппу Первого Передвижного общедо-

ступного драматического театра Павла Гайдебурова, где и осуществляет свою дебютную постановку как режиссёр, начав ни больше ни меньше с шекспировского «Гамлета». 1913 год оказывается для Таирова знаковым — он получает диплом юридического факультета Петербургского университета, вступает в московскую адвокатуру, и почти одновременно следует приглашение на постановку в Свободном театре, организованном в том же году Константином Марджановым. Там двадцатидевятилетнему Александру Таирову и предстоит встретиться в работе над пантомимой «Покрывало Пьеретты» с двадцатипятилетней Алисой Коонен.

Реплика в сторону. Бывают странные совпадения — до своего знакомства Таиров и Коонен примерно в одно и то же время играли в массовке спектаклей «Жизнь человека» Леонида Андреева: только первый в постановке Мейерхольда, а вторая в постановке Станиславского и Сулержицкого. Будучи довольно религиозной, Алиса Коонен, как ни странно, всю жизнь придавала

С макетом к спектаклю
«Мадам Бовари»

Здание театра

значение различным совпадениям, сновидениям, гаданиям.

Для Коонен переход в Свободный театр был шагом необыкновенной смелости и решительности. Подающая надежды актриса Московского Художественного театра, принятая в его школу в пятнадцатилетнем возрасте, вызывавшая пристальный интерес и Константина Сергеевича Станиславского, и Владимира Ивановича Немировича-Данченко, сыгравшая к 1913 году пусть не самые крупные, но заметные роли в спектаклях МХТ (Митиль в «Синей птице», Маша в «Живом труп», Анитра в «Пер Гюнте»), она решительно перечёркивала уже сложившийся строй своей жизни, делала шаг в неизведанное.

Таирову же было не привыкать: контракт со Свободным театром выглядел лишь одним из многих его шагов в самых разных направлениях, а вот затея следующего, 1914 года с открытием своего Камерного театра была уже из ряда вон выходящей. Воплощению таировского замысла не смог помешать даже поистине мировой катаклизм – начало Первой мировой войны. 25 декабря (12 декабря по старому стилю) спектаклем «Сакунтала» по древнеиндийской пьесе Калидасы в переводе Константина Бальмонта

открылся Камерный театр – в здании на Тверском бульваре, где ныне обитает Театр имени А.С. Пушкина. Роль Сакунталы Алиса Коонен аттестовала в дневнике как свою первую серьёзную работу.

Сначала в труппу входило три с лишним десятка человек, Таиров в первые месяцы выпускал премьеру за премьерой, привлекая внимание не только необычностью спектаклей, но и интенсивностью деятельности. Чем дальше, тем всё более убеждённо Таиров проповедовал культ «синтетического актёра», способного соединить пантомиму, пение, танец и цирк в монолитное целое, играть как трагические, так и комические роли. Высшим достижением и оправданием его теории стало искусство Алисы Коонен. Смело можно сказать, что для Таирова она оказалась актрисой-манифестом. От первого до последнего дня существования Камерного театра, закрытого в 1949 году, на его сцену выходила она, главная актриса труппы, актриса трагического темперамента, прославившаяся образами Федры, Саломеи, Жанны д'Арк, Адриенны Лекуврёр, Клеопатры, Эммы Бовари, но и одновременно ролями в пантомимах или в легкомысленной оперетке «Жирофле-Жирофля».

Все эти годы Таиров стремился к тому, чтобы Камерный имел своё лицо, был не похож ни на какой другой театр. Режиссёр пристально всматривался в то, что происходит рядом, в изобразительном искусстве, и порой сильно рисковал, пригласив на постановку художников, часто не имевших театрального опыта, но несших, как ему виделось, необходимую театру творческую энергию. Спектакли Камерного оформляли по-настоящему крупные мастера: Павел Кузнецов, Наталья Гончарова и Михаил Ларионов, Аристарх Лентулов, Александра Экстер, Александр Веснин, Георгий Якулов, братья Владимир и Георгий Стенберги, Вадим Рындин, Владимир Татлин и другие.

От руководителя требовалась фантастическая вера в своё предназначение и нечеловеческие силы, чтобы вести этот корабль на протяжении 35 лет, несмотря на непрерывные упреки в вычурности и эстетизме. Между прочим, среди формулировок рецензентов была, к примеру, и такая: «эстетский морг».

Многие знают историю насилия над Камерным театром, когда в 1937 году его указом свыше слили с Реалистическим театром Николая Охлопкова, соединили в один два взаимоисключающих, по определению не могущих срастись организма. Многим известно о трагической расправе над Камерным и его ликвидации в 1949 году, о переводе приказом Комитета по делам искусств при Совете министров СССР Таирова и Коонен в Театр имени Евг. Вахтангова (Коонен там так и не вышла на сцену) и о вскоре последовавшей смерти Таирова. Многие слышали легенду о том, как Алиса Коонен после закрытия Камерного театра прокляла здание на Тверском...

Однако мало кто знает, что в самом начале своего существования Камерный театр попал в похожую ситуацию. Тяга Таирова к уникальности, избран-

ности, стремление оставаться на сцене в рамках эстетической реальности и театральности довольно быстро привели к художественному одиночеству, почти полному отсутствию единомышленников и защитников среди критики.

В начале 1917 года из-за финансовых проблем и конфликта с владельцами здания на Тверском бульваре Камерный театр был закрыт. Прощальный, сборный, спектакль сыграли 12 февраля 1917 года и объявили об окончании сезона. Этот исторический спектакль сопровождался овациями и пламенной речью Константина Бальмонта: «Позор обществу, которое допускает закрытие Камерного театра!»

Театру тем не менее удалось выступить, он не распался и в новом сезоне благодаря содействию Александры Яблочкиной и Александра Южина открылся в другом здании – в клубе на Большой

Коонен и Таиров на площади Сан-Марко

Никитской (дом принадлежал Российскому театральному обществу). Не месяц и не два театр жил с ощущением неизвестности по поводу своей грядущей судьбы. И всё же вскоре при активном содействии Анатолия Луначарского Камерному театру было возвращено здание на Тверском бульваре. В дальнейшем во многом при поддержке того же Луначарского оказались возможными продолжительные зарубежные гастроли «камерников» – в 1923, 1925 и 1930 годах. В плане выезда за границу с Камерным театром мог сравниться только Художественный. Для наглядности: Мейерхольда с его театром выпустили в Европу только в 1930 году.

По понятным причинам Луначарский неизменно был желанным гостем в Камерном театре. Так, на праздновании пятилетнего юбилея коллектива, когда из-за отсутствия электричества

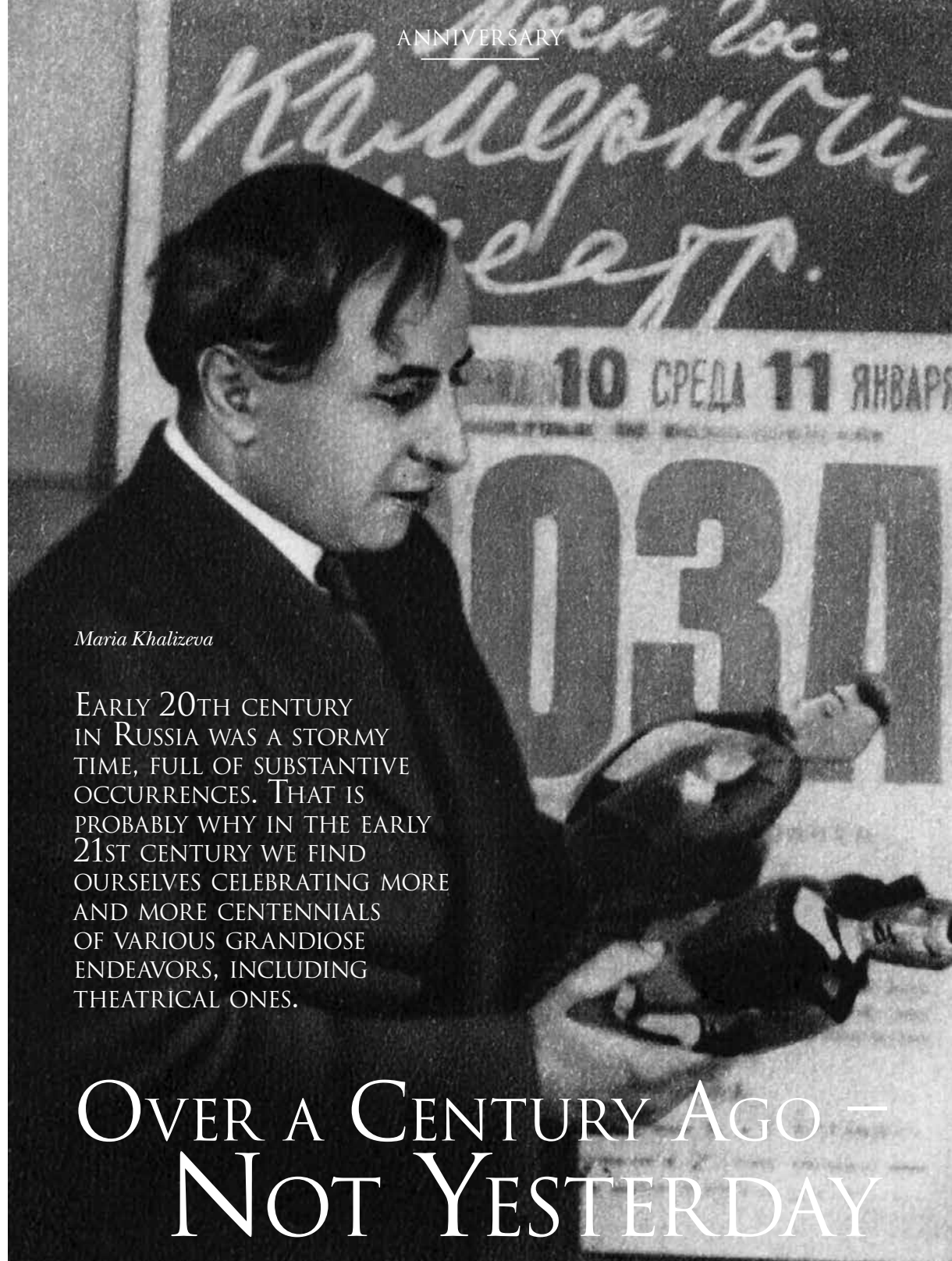
не удалось сыграть намеченный спектакль «Сакунтала», чествуемые и чествующие расположились на сцене при свете свечей и факелов. Впоследствии одна из актрис вспоминала: «А.В. Луначарский, друг Камерного театра, занимался «хиромантией» – гадал по руке Алисе Коонен. <...> Увидев, чем занимается Анатолий Васильевич, Таиров весело воскликнул: «Замечательно: марксист – занимается хиромантией!»

Если всмотреться и вдуматься в репертуар Камерного театра (вспомним всё тех же «Саломею», «Адриенну Лекуврёр», «Федру», «Египетские ночи», «Мадам Бовари» и даже «Грозу»), то становится очевидным: одной из ведущих тем в творчестве Александра Таирова долгие годы оставалась страсть. О ней он имел представление отнюдь не теоретическое. Судя по дневникам его музы и спутницы жизни, отличавшейся по молодости крайним эгоцентризмом, она превращала их совместное существование в сюжет то романтической драмы, а то и античной трагедии, страсти зашкаливали, во всяком случае в первые десять лет уж точно. «Душа живёт в 100-градусной атмосфере», – записала однажды в дневнике Алиса Коонен.

Такова же была температура их существования в творчестве. Таиров и Коонен жили в 100-градусной атмосфере преданности своему театру. Лишённые этого накала, оставшись без Камерного театра, пережив предательство учеников и соратников, Таиров и Коонен чувствовали себя бесповоротно выброшенными из жизни. Прожив в Камерном, в сущности, очень счастливую жизнь, они оказались физически не способными существовать в театре без чувства счастья. После закрытия их Камерного, который был переименован в Театр имени А.С. Пушкина, Таиров прожил чуть больше года, Коонен пережила его почти на четверть века, но ни в какой театральный коллектив войти не захотела – выступала только с чтецкими программами.

Алиса Коонен
в спектакле
«Покрывало
Пьеретты»

Maria Khalizeva

EARLY 20TH CENTURY IN RUSSIA WAS A STORMY TIME, FULL OF SUBSTANTIVE OCCURRENCES. THAT IS PROBABLY WHY IN THE EARLY 21ST CENTURY WE FIND OURSELVES CELEBRATING MORE AND MORE CENTENNIALS OF VARIOUS GRANDIOSE ENDEAVORS, INCLUDING THEATRICAL ONES.

OVER A CENTURY AGO – NOT YESTERDAY

December 25, 2014, marked one hundred years from the opening of the Kamerny Theatre. A theatre with that name no longer exists in Moscow – it was around for merely three and a half decades, but the names of its creators – director Alexander Tairov and his first actress, muse and wife Alisa Koonen were inscribed in the history of world theatre for all eternity.

Director Tairov appeared on Moscow's theatre stage in 1913 and many saw him as a "dark horse". Prior to that he played parts in amateur productions, then worked in provincial non-repertory theatres and also at the Vera Komissarzhevskaya Theatre during the 1906/07 season, when Vsevolod Meyerhold staged productions there. Tairov's curriculum vitae includes secondary roles in Meyerhold's famed productions of "The Fairground Booth", "Sister Beatrice", "The Life of Man". Immediately following the historic season with Komissarzhevskaya and Meyerhold, Tairov joins Pavel Gaideburov's First Touring Drama Theatre company, where he made his debut as a director, starting with Shakespeare's "Hamlet", no less. 1913 turns

out to be a milestone year for Tairov – he is awarded the Faculty of Law diploma from the St Petersburg University, enters Moscow's Bar association, and almost simultaneously gets invited to a production at the Free Theatre organized that same year by Konstantin Mardjanov. It is there, working on a pantomime titled "Pierrette's Veil", that the twenty-nine-year-old Alexander Tairov will meet the twenty-five-year-old Alisa Koonen.

An aside. Life sometimes is full of strange coincidences – prior to their meeting, Tairov and Koonen played extras in Leonid Andreev's play "The Life of Man" at about the same time: only he took part in Meyerhold's production, while she performed in the production by Stanislavsky and Sulerzhitsky. Throughout her entire life, being a fairly religious person, Alisa Koonen, attached importance to various coincidences, dreams, and fortune-telling.

The move to the Free Theatre was an incredibly brave and decisive step for Koonen. The promising Moscow Art Theatre actress, accepted into its school at the age of fifteen, she aroused keen interest on the part of both Konstantin Sergeevich Stanislavsky and

Vladimir Ivanovich Nemirovich-Danchenko and performed notable, if not the biggest, roles in MAT productions (Mytyl in "The Blue Bird", Masha in "Living Corpse", Anitra in "Peer Gynt"). And now she was resolutely crossing out the already established way of life and taking a step into the unknown.

Tairov, on the other hand, was no stranger to making such drastic changes: his contract with the Free Theatre seemed as just one of many steps he took in all kinds of different directions. In the following year, 1914, however, his undertaking with the opening of his very own Kamerny Theatre was already something out of the ordinary. Even a truly world-scale catastrophe – the start of the First World War – could not interfere with the implementation of Tairov's design. December 25 (December 12 in the old style) marked the opening of the Kamerny Theatre with the production of "Sakuntala", based on an ancient Indian play by Kalidasa in Konstantin Balmont's translation. The theatre opened in a building on Tverskoy Boulevard, which currently houses the A.S. Pushkin Theatre. In her journal Alisa Koonen classified the role of Sakuntala as her first serious work.

The company initially had over thirty people. Over the first few months Tairov released premiere after premiere, garnering attention with his intensive activity as well as the unusual character of his productions. As time went on, Tairov began to advocate with ever greater conviction the cult of a "synthetic actor", capable of integrating pantomime, singing, dance, and circus into a single monolithic whole, to play tragic roles as well as comic ones. The mastery of Alisa Koonen became his theory's highest achievement and justification. We can safely say that she was Tairov's manifesto actress. From the first day of the Kamerny Theatre's existence to its closing in 1949 she graced its stage – the company's lead actress, a tragic actress, famed for her portrayals of Phaedra, Salome, Joan of Arc, Adrienne Lecouvreur, Cleopatra, Emma Bovary, as much as for her roles in pantomimes or a lighthearted operetta "Girofle-Girofla".

Alisa Koonen

Throughout all those years Tairov strove to give the Kamerny its own face, to make sure it didn't resemble any other theatre. The director paid close attention to what was happening around him in visual arts, and often took great risks by inviting artists who frequently had no theatre experience but who, in his opinion, brought with them creative energy that was essential to the theatre. Sets for the Kamerny Theatre productions were created by truly prominent masters: Pavel Kuznetsov, Natalia Goncharova and Mikhail Larionov, Aristarkh Lentulov, Aleksandra Ekster, Alexander Vesnin, Georgy Yakulov, brothers Vladimir and Georgy Stenberg, Vadim Ryndin, Vladimir Tatlin, and others.

The director needed incredible faith in his mission and superhuman powers in order to lead this ship for 35 years, despite the constant reproaches for pretentiousness and aestheticism. Incidentally, one of the reviewers also referred to the theatre as "an aesthetic morgue".

Theatre in a tour, 1920s

Many people know the story of the violence done to the Kamerny Theatre, when in 1937 it was combined with Nikolai Okhlopkov's Realistic Theatre by an order from above. Thus two mutually exclusive organisms that, by definition, cannot be fused were merged into one. Many people know about the tragic way that the Kamerny was finished off and about its liquidation in 1949; about the transfer of Tairov and Koonen to the Yevgeny Vakh-tangov Theatre by order of the Committee on the Arts at the Council of Ministers of the USSR (Koonen never did go on stage there), and about the death of Tairov that soon followed. Many have heard the legend about Alisa Koonen cursing the building on Tverskoy Boulevard following the closing of the Kamerny Theatre...

Yet few people know that the Kamerny Theatre ended up in a similar situation at the very beginning of its existence. Tairov's drive toward uniqueness, a sense of having been chosen, his strive to remain within the framework of aesthetic reality and theatricality on stage rather quickly resulted in artistic loneliness and virtual-

ly complete absence of likeminded individuals and defenders among his critics.

In the early 1917, the Kamerny Theatre on Tverskoy Boulevard was closed due to financial problems and a conflict with the building owners. A farewell, benefit, production was performed on February 12, 1917, and that was when the announcement was made about the end of the season. That historic performance was followed by standing ovations and an ardent speech by Konstantin Balmont: "Shame to the society that allows for the closing of the Kamerny Theatre!"

Nevertheless, the theatre was able to persevere. It didn't fall apart, and, thanks to the assistance of Aleksandra Yablochkina and Alexander Yuzhin, opened in the new season in a new building – a club on Bolshaya Nikitskaya Street (a house that belonged to the Russian Theatre Society). For several months the theatre lived in a state of uncertainty about its impending fate. Still, thanks to the active assistance of Anatoly Lunacharsky, the Kamerny Theatre was soon given back the building on Tverskoy Boulevard. Later on, and to a large extent due to the support of Lunacharsky as well, the Kamerny Theatre ac-

Alisa Koonen and Igor Tairov

Premiere of "Princess Brambilla", 1920s

tors were able to go on lengthy tours abroad in 1923, 1925 and 1930. The only theatre that could compare with the Kamerny in terms of trips abroad was the Art Theatre. Just to illustrate: the first time Meyerhold and his theatre were allowed to go to Europe was 1930.

Lunacharsky was always a welcome guest at the Kamerny Theatre, for obvious reasons. Thus, during a celebration of the company's fifth anniversary, when they were unable to conduct their planned performance of "Sakuntala" due to lack of electricity, the honorees and the honorees settled on stage by the light of candles and torches. Afterwards, one of the actresses recalled, "A.V. Lunacharsky, a friend of the Kamerny Theatre, was doing palm reading on Alisa Koonen's hand. <...> When Tairov saw what Anatoly Vasilievich was doing, he exclaimed cheerfully, "Wonderful: a Marxist is doing palmistry!"

One thing becomes clear if we look and think carefully about the Kamerny Theatre's repertoire (taking, for instance, the already mentioned "Salome", "Adrienne Lecouvreur", "Phaedra", "Egyptian Nights", "Madame Bovary", and even "The Storm"): passion remained one of the main themes in Alexander Tairov's work for many years. And

his conception of passion was far from theoretical. According to the journals of his muse and life's partner, who, as a young person, was extremely egocentric, she turned their coexistence at times into a romantic drama story and at times even into an ancient tragedy, passions were through the roof, at least for the first ten years. "The soul lives in a 100-degree atmosphere," Alisa Koonen wrote once in her journal.

Such was the temperature of their coexistence in art as well. Tairov and Koonen lived in a 100-degree atmosphere of loyalty to their theatre. Deprived of that heat, finding themselves without the Kamerny Theatre, having suffered through the betrayal by their students and colleagues, Tairov and Koonen felt as though they've been irreversibly ejected from life. Having lived an essentially very happy life at the Kamerny Theatre, they turned out to be physically incapable of existing in a theatre without a feeling of happiness. Tairov lived for a little over a year after the closing of their Kamerny Theatre, which was renamed A.S. Pushkin Theatre. Koonen survived him by almost a quarter of a century, but she did not wish to join any theatre company – she only performed recitations.